

## 1989 год — ПРОТИВОРЕЧИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Борис Капустин



Борис Капустин — российский политический философ, доктор философских наук, руководитель Центра политической теории, главный научный сотрудник Института философии РАН, приглашенный профессор Йельского университета (США). Автор многочисленных публикаций и монографий, включая «Моральный выбор в политике» (М, 2004)

■ *Уважаемый Борис Гурьевич, весь мир отмечает 20-летие падения Берлинской стены, давшего начало падению коммунистических режимов в Восточной Европе. Возникает вопрос: имеет ли этот праздник отношение к России? Наш ли этот праздник?*

Наверное, предварительно нужно рассмотреть более общий вопрос: **чей вообще это праздник?** И реально ли то самое всеобщее ликование по поводу событий 1989 года?

Вопросы заведомо оказываются риторическими, потому что **такого всеобщего ликования на самом деле нет.** И нет его не только осенью 2009 года, его не было уже и тогда, когда отмечалось десятилетие событий 1989 года. Интересно понять, почему — по

крайней мере, с точки зрения государственной политики бывших социалистических стран Восточной Европы, с точки зрения отношения масс к этому событию — в реальности не наблюдается никакого празднества освобождения. Я бы в связи с этим обратил внимание на два любопытных обстоятельства.

В каких странах бывшего социалистического лагеря это торжество борьбы за свободу и демократию отмечается в качестве государственного праздника? С некоторым удивлением обнаруживаем, что это имеет место только в Чешской Республике и Словакии, где этот праздник именуется Днем борьбы за свободу и демократию. И, что примечательно, отмечается он 17 ноября вместе с празднованием студенческих антинацистских манифестаций 1939 года. Получается, что даже в данных странах этот день воспринимается вне исключительной привязки к событиям 1989 года.

Конечно, существуют дни так называемого восстановления государственного суверенитета или независимости — в Эстонии, в Литве, в Словении и т.д. Однако одно дело отмечать восстановление (или возникновение) государственности, а совсем другое — праздновать политическую эмансипацию. Например, во Франции события 1789 года отмечаются не как установление новой формы государственности, а именно как революция, которая принесла свободу. В Германии же падение Берлинской стены празднуется как *день объединения страны*, а не как *день политического освобождения*. Почему же именно освободительный момент оказался, мягко говоря, отодвинут на далекую периферию при воспоминании об этих событиях?

Задумываясь об этом, мы неизбежно выходим на вопрос о том,

несли ли так называемые революции 1989 года реальную свободу. **Воспринимают ли народы 1989 год как год своего освобождения?** При этом не забудем — осенью 1989 года миллионы демонстрантов в Лейпциге, Праге, Будапеште, миллионы избирателей на первых польских свободных выборах летом того же года и т.д. воспринимали данные события именно как «приход свободы».

\* \* \*

Очевидное возникновение правонационалистических агрессивных течений *после* 1989 года — скорее, симптом болезни, симптом неудачи освободительной миссии 1989 года, а не *causa sui*. Как понимать эту «неудачу»?

**Либерализм как экономическая программа дерегуляции экономики и приватизации собственности в целом удался даже сверх ожиданий.** Напомню, что многие крупнейшие теоретики, включая Клауса Оффе и Йона Элстера, на рубеже 1980–1990-х годов считали почти неизбежным конфликт между капиталистической трансформацией экономики и электрократией, через каналы которой нищающее большинство обитателей бывшего соцлагеря могло и даже должно было выразить свой протест против экономического либерализма. Такой конфликт не произошел. Там, где вчерашние коммунисты приходили к власти (в Польше, Венгрии, Литве и т.д.), они показывали себя даже более искусными «капиталистическими модернизаторами» и уж, несомненно, они более эффективно обеспечивали политическую демобилизацию сил протеста.

Нельзя упускать то, что либерализм никак не сводится к капиталистической идеологии и стратегии. У него всегда был нравственно-политический аспект, акцентирующий идеалы и

практики свободы и равенства, автономию человека, самооценочность публичной политики и открытость сферы ее осуществления. Вот в этом своем аспекте либерализм преуспел гораздо меньше. Да, основные институты электоральной демократии в Восточной Европе созданы. Но тождественны ли они *практикам* свободы? Все опросы последних лет говорят о широко распространенных ощущениях политического бессилия «простых людей», сопоставимых с ощущениями бессилия времен «реального социализма». А по политической апатии, как показали, в частности, последние евровыборы, «новые демократии» Востока бьют рекорды их западных наставников. Почему?

Вернемся в 1989 год и в эйфорию «прихода свободы». Не ожидание капитализма вызывало ее. Свобода связывалась с тем, что получило название «третьего пути». Не только низы, но и лидеры диссидентского движения сохраняли весьма критическое отношение к капитализму (вспомним первую программу польской Солидарности 1981 года или разящую критику западного общества как «ослабленной» версии тоталитаризма Гавелом) и ни в коем случае не собирались отказываться от тех элементов «реального социализма», которые можно условно назвать социалистической версией «государства благосостояния». Триумф экономического либерализма стал возможен именно благодаря поражению освободительной идеологии и практики «третьего пути». Было ли это поражение неизбежным? Нетрудно указать на те реальные политические и экономические факторы, как национального, так и глобального масштаба, которые привели к этому. Но превращать политическое поражение в проявление действия «железных законов» истории могут лишь фанатики эволюционизма XIX века и апологеты статус-кво.

\*\*\*

Широчайшее разочарование последствиями 1989 года несомненно. И оно должно быть те-

оретически объяснено без ничего не проясняющих ссылок на ностальгию по прошлому. То, чего нам не хватает в первую очередь, — это добротной политической экономии посткоммунизма, т. е. анализа того, из чего складывались, как возникали и утверждались, в чьих интересах работали новые формы угнетения труда и эксплуатации рабочей силы, приходившие на смену тем, которые были присущи «реальному социализму». Исследования посткоммунистических «транзитов» просто нельзя ограничивать политической, тем более — политико-институциональной, стороной дела. **Ведь суть вопроса о событиях 1989 года состоит именно в том, почему они — вопреки всей мировой тенденции, сложившейся после индустриальной революции, — оказались всего лишь политическими, а не социальными революциями.** То есть — почему они «прошли мимо» политэкономии освобождения, ограничившись политическим формализмом освобождения?

Пройти мимо этого позволили совершенно определенные политические механизмы демобилизации масс. Помните, как вскоре после выборов 1981 года никто иной, как Лех Валенса сформулировал дилемму: либо мы имеем сильный профсоюз, либо «идем в Европу», т. е. форсировано капитализируем общество. Кровь в России в октябре 1993 года — это лишь примитивный и грубый способ достижения цели вытеснения масс из политики. Восточноевропейские «круглые столы», начиная с образцового польского, есть гораздо более тонкий способ достижения той же цели — это именно сговор «красной буржуазии», т. е. «коммунистов-реформаторов» с верхушкой ранее оппозиционных движений относительно распределения власти и путей приватизационного дележа собственности при



превращении низов в зрителей великого демократического шоу.

Конечно, такая сложная операция могла быть произведена только при использовании того символического капитала, который был накоплен верхушкой оппозиции в ее бытность верхушкой именно оппозиции низов. Растрочен этот капитал был очень быстро — скорый и грустный конец Солидарности и всяческих восточноевропейских «форумов» — наглядное тому свидетельство. Но дело уже было в главном сделано.

\*\*\*

Хочу подчеркнуть, что **сказанное выше отнюдь не означает отрицания всякого освободительного значения 1989 года.** Напротив, чрезвычайно важно понять, какие именно элементы свободы он принес, в том числе низам, и как эти элементы могут быть использованы ими в дальнейшей борьбе за свободу. Ее политэкономическое содержание для них именно теперь, т. е. благодаря свободе, принесенной 1989 годом, выходит на первый план. Поэтому стоит бороться и против «забвения» 1989 года, и против либерально-лубочного изображения его в качестве будто бы «окончательной» победы демократии над (всего лишь) авторитаризмом. ■

Беседовал Борис Межуев